

Про зло

Менеджерам нового поколения посвящается

и бабло

Макс Нарышкин

Никогда не жалея подчинённого, которому сломал карьеру. Этот ублюдок лишь ждёт удобного случая так же поступить с тобой.

Макс Нарышкин

Про зло и бабло

«ЭКСМО»

Нарышкин М.

Про зло и бабло / М. Нарышкин — «Эксмо»,

Герман Чекалин, с отличием окончивший юридический факультет, приглашен на работу в огромную корпорацию, производящую недавно изобретенное средство от рака. И сразу же получает высокие бонусы: квартиру в центре Москвы, дорогую машину, солидный счет в банке. Правда, на медосмотре при поступлении на работу у него зачем-то берут серьезные анализы, и вообще с первых дней на новом месте Герман чувствует, как вокруг него сгущается неясная угроза. Но этот парень из тех, кто привык выяснять все до конца. И он очертя голову идет туда, где кроются страшные тайны корпорации и где в конечном итоге вывернется наизнанку его собственная жизнь...

© Нарышкин М.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Наговорил земле недобрую весть...	5
Но минуло пять минут, и с тринадцатым...	8
Мучения его подходили к концу, и были они сильнее оттого...	10
Беседы при полной луне...	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Макс Нарышкин

Про зло и бабло

Пролог

За 12 лет до описанных ниже событий

Наговорил земле недобрую весть...

...вечер числа 15 сентября месяца 1995 года. Ветер за окнами срывал с веток пожухлую кленовую листву, рвал ее в клочья – как автор рвет десятый по счету неудачный черновик, собирал листья и гнал их хороводом в конец улицы. Зарядивший дождь, предугадываемый, а скорее даже не дождь, а сыплющаяся с небес морось металась вдоль улицы от дома к дому, и под гул проводов то взлетала вверх бесформенной тучей, напоминающей косяк мечущейся в панике сельди, то, не сумев найти приюта вверху, в отчаянии бросалась наземь. Небо затянулось серыми облаками, похожими на грязную, спутавшуюся паклю, которую еще вчера сторож приюта для бездомных Макарка затыкал в образовавшиеся от старости пробоины меж бревнами...

А ведь предупреждали всех и синоптики, и приметы. Чайки по берегу Москвы-реки бродили пешком, словно по Арбату, ковырялись в выброшенном на песок агаре. Чайка на песке – нет хуже для моряка приметы. Что же касается примет, более привычных для сухопутных жителей, то еще с вечера вчерашнего дня солнце садилось за горизонт в пурпурной мантии, окруженное низкими облаками, и дым из трубы приюта для убогих стелился по земле, тяжелый и густой. Казалось бы, чего бояться? – предупрежден значит вооружен, а потому и страху не должно быть. Ан нет, такого беспорядка в природе жители Серебряного Бора не могут припомнить, сколько ни силятся.

Ветер, этот ветер... Он не был тем обычным природным явлением, о коем предупреждают по десятку раз в сутки с экранов и по радио. Потоки воздуха рвались в город то с севера, обдувая улицу тревожным предчувствием зимы, чувствуемой уже сейчас, в сентябре, то с запада, принося едва ощутимый запах норвежского бора, то с юга. Природа сошла с ума. Это разверзлись небеса, и кто-то, проклиная нечто неведомое роду человеческому, послал вниз проклятие.

Ветер... Он был столь силен, что грозил раскатить этот столетний домик по бревнам и разметать по улице, стереть с лица земли, дабы потом, успокоившись, было чему устыдиться. В такую погоду хозяин не выгонит собаку из дому, да и та вряд ли пойдет даже под угрозой побоев, хотя бы и от страха. Ужас от свищущего потока воздуха, бьющей в морду воды и липкой листвы, норовящей залепить глаза, был бы стократ сильнее.

Домишке, продлись непогода еще сутки, вряд ли было устоять. Приют для бездомных – имя ему, грозящему развалиться. Каждый дом должен выглядеть соответственно содержанию. Как в церкву положено приходить одетым соответственно полу, так и дома в Москве, да и по всей России, испокон веков одевались в одежды, позволяющие распознать в них естество. На Охотном Ряду не быть приюту, на Мясницкой не быть, и на Никитской ему не бывать. На светлых каменных улицах проживают и несут службу люди деловитые, статью особой наделенные, а потому и дома, где они служат, светлые, высокие, стеклянные, этим домам нипочем ни ветер, ни даже землетрясение, селевой поток, случись таковые в Москве. Этот же домишко, пристанище для лиц, не отягощенных ни имущественным, ни светским положением. А посему

и быть ему рубленным, ветхим, и находиться в лесной глуши московской, в Серебряном Бору, что на западе столицы. И, хотя там развелось ныне особняков многоэтажных столько, что даже инспектора налоговые, то и дело прибывающие по душу кого-нибудь из новых поселенцев, не сразу в номерах разбираются, глушь как она была глушью, так и осталась.

– Преставится нынче, не иначе, – вздыхает старушка Ангелина. – Плохой уж совсем Сергей наш, – и снова вздыхает, развязывая и снова завязывая узел на простеньком платке.

Ангелина Матвеевна, прислужница приюта, живет и помогает страждущим в Серебряном Бору тридцать пятый год. Как бросил ее муж в шестьдесят пятом, так и пришла она, тридцатилетняя, покоя искать в доме этом, тогда еще сносом на вид, бывшем туберкулезном диспансере. Диспансер в начале девяностых перевели на другую окраину (поговаривают, что из-за вырастающих, как грибы, коттеджей в Серебряном – и то верно! – дело ли людям жить и отдыхать, когда поблизости кашель такой, что до самого Магадана слышен?). А в домишке двухэтажном, покосившемся, соорудили приют. Дабы люди бродячие не пугали хозяев в Серебряном своим неожиданным появлением: в рубище, с бородою да топором за поясом. Разоружили их, приодели в казенное да под присмотр отдали. С тех пор старуха Ангелина и присматривает за страждущими. И кому как не ей знать, когда кто преставится или у кого нынче день рождения или именины.

По этой причине сидящая рядом, на кухне, другая старушка, чуть постарше годами, но ничуть – лицом, Антонина, покачала головой. Грех с Ангелиной не согласиться, и подтвердила, словно приговор подписывая:

– Не иначе как после полуночи. Совсем ослаб. Кричать от боли, и то уж не в силах.

– И не говори, – бывалая сиделка редко соглашалась с чужими доводами, хотя бы и правильными. Ей, отслужившей здесь не один десяток лет, не положено поддакивать, но на этот раз она своему правилу изменила. – Месяц назад силы таковой был, что спинку кровати выгибал в приступах, а ныне стонет только да глаза закатывает.

Еще раз развязав-завязав платок, подставила стакан под кран старого, местами гнутого, но добела начищенного, словно зеркало, самовара и предупредила:

– Ты смотри, Тонька, не проворонь. Церква рядом, да можно и не успеть.

Церковь Успения в Троице-Лыково, если разобраться толком, не так уж и близка. Случись кому лет сто назад при таких обстоятельствах неудобных помирать, то вряд ли бы отходящий батюшку для причащения дождался. Сегодня у батюшек есть машины, слава богу, так что в чем-то Ангелина, конечно, права. Полчаса дороги для помирающего бродяги Сергея – не срок. Срок потом настанет: вечный, светлый. Ведь негоже святому Петру, апостолу Божьему, Сергеем врата рая не отворить – чист Сергей и душой, и телом.

Чтобы было понятно, о чем ведут речь две благообразные старушки, нужно вернуться в предысторию рубленого дома и пролистнуть назад шестьдесят страничек календаря, висящего на кухне, уже оторванных и скрученных под самосад сторожем Макашкой.

Ровно два месяца назад поступил в приют сорокалетний мужчина, человек образованный, но обиженный судьбою. Не приглянулся чем-то Сергей Олегович Всевышнему, хотя делами занимался, право слово, добрыми и человечными. Не имел он никогда ни дома своего, ни семьи, ни средств к существованию, посредством коих он мог бы и дом содержать, и семью кормить. Все, чем жил, содержалось в котомке, через плечо на ремень перекинутой: пара белья, пластиковая бутылка для питья да несколько журналов, потерявших актуальность не один десяток лет назад. Бродил мужик Сергей по московским окрестностям, жил тем, что нанимался в работники к людям состоятельным, дома в Серебряном возводящим, пил из ручья, здесь же, в Серебряном, питался тем, что подадут, но особую слабость имел он к приюту. Нет-нет да заглянет раз в неделю, поговорит по душам со смертными больными. Прибывал и на все церковные праздники. Приносил неведомо откуда добытые пряники, калачи, раздавал их постояльцам, говорил о жизни будущей, Христа просил почитать да снова уходил. Кто он, откуда,

где род его начало берет, никто не знал, да и не особо задавались целью выяснять это. Раз человек добрый, богобоязненный, так чего же к нему в душу лезть, коли сам не рассказывает.

И вот два месяца назад пришел Сергей в приют совсем хворый. Без подарков, с сумою пустою, на костыль опирающийся. Вырубил в лесу сук аршинный, с ним и пришел, всем телом его в землю вдавливая. И теперь вот уже как шестьдесят один день метался в бреду, в сознание приходил все реже и реже. Приезжал врач, осмотрел, анализы собрал и убыл. Через две недели вернулся, сказал, что сожалеет, очень сожалеет. С тех пор лежал Сергей-мученик на постели, должной вскоре стать смертным одром, хрипел, сносил уколы обезболивающие, и крутился в его голове, когда бывал в сознании, диагноз страшный, врачами установленный: рак крови.

Нет спасения от этой хворобы. Ангелина прочитала где-то, что ЮНЕСКО обещало поставить памятник в полный рост из чистого золота тому, кто вакцину от рака сладит, да только до сих пор не нашлось такого мастера. Еще говорят, что какой-то грузин под эту тему подвизался, решил ЮНЕСКО обойти. Хотя бы и не из золота, но из чугуна памятник сваять. Чтобы Эйфелевой башни выше был. Будет врач на коне сидеть, в халате белом, и копьём пронзает рака чугунного. Но пока рак есть, а на роль всадника кандидата, как ни ищи, нету.

И настал, видно, последний день Сергея. Съел его рак изнутри, сожрал так, что уже и врачи анализы брать отказывались. Приезжает раз в два дня один, на санитару очень похожий, а не на доктора, привозит десять шприцев одноразовых, да десять ампулок прозрачных. И колет больного теми ампулками, хотя Сергей уже трижды просил свистящим шепотом:

– Послушай меня, друг милый... Я же знаю, что недолг час... Кольни мне чего бы-то, чтобы побыстрее...

Фельдшер мотал головой, прятал глаза и уходил грустный.

И наступила ночь 15 сентября. Страшно умирать в такую ночь. Хоть и держит Сергей крест нательный в мокром кулаке вот уже второй час, да только все равно страшно. Как встретят его там, как расспрашивать начнут... о чем, главное. Скажут: а в полную ли силу ты, Сергей Олегов, людям служил? Не имел ли в душе черни когда, а в мыслях лукавства и презренного?

Ох, страшно умирать в такую ночь. Под горячую руку Ему как раз... лучше бы уж теплым, светлым днем, чтобы на небе ни облачка, и листва не шевелилась бы, хоть и стара совсем стала, желта. А в такую пору... А вдруг батюшка не придет?

Подумал Сергей – и испугался. Не можно ему без священника уходить! Он не язычник, а православный во Христе! Заповеди чтит и соблюдает, молится каждый день, и не по надобности, а по душевному велению. Верить? – спросили его, зрелого мужа, на крестинах. Верю! – ответил он. Верю! – говорит сейчас, и понимает, что не лгал ни тогда, ни нынче.

Служил людям? – служил. Последнее отдавал, куском делился. Кто знает, не спасла ли жизнь та, последняя, таблетка парацетамола, мальчишке бродячему на Пречистенке. Приболел Сергей тогда, два года назад, и торопился, набрав гостинцев, в приют. Кашель был ужасен, люди шарахались в сторону, ругали грязно – глупые, они ведь тоже болеют... и вдруг на дороге, в парке, увидел мальчишку. Пятнадцать лет мальцу было, не больше. Сидел, курил и кашлял человек с таким старанием, что даже у Сергея, и самого нездорового, сердце зашло. Глаза у юнца совсем больные были, смертью дышали. Поискал тогда Сергей в карманах, нашел таблетку последнюю, жаропонижающую, и отдал. А самого в приюте еле откачали.

Добр Сергей, бескорыстен. Потому, наверное, и прибирает его к себе Господь, – решила Ангелина, торопясь к телефону. Пора, пора звонить священнику. А вызывать его нужно уже сейчас, потому как у мученика такая ломка началась – не приведи, Господи... Как свеча, что вспыхивает и яростно пылает перед тем, как навсегда угаснуть, закричал в своей боли Сергей, человек без дома и паспорта...

Но минуло пять минут, и с тринадцатым...

...или четырнадцатым по счету ударом грома, едва не пошатнувшим убогий дом, распахнулась дверь, и на пороге встал, освещаемый короткими сполохами молний, высокий человек в длинном, блестящем от влаги пальто. Не священник.

Не было на нем шляпы, а лишь серое пальто да черный костюм под ним, и рубашка черная же, застегнутая на пуговицы до самого верха. Длинные волосы его, собранные сзади в хвост, лежали, влажные и блестящие, на плечах. Глаза пронзительно посмотрели по углам, очертили взглядом скудное убранство просторной прихожей и остановились на двух старушках. Впрочем, смотрел он на них недолго, поскольку нос его с заметной горбинкой стал морщиться, ноздри судорожно сжались в непреодолимом желании чихнуть. Что он и сделал вместо приветствия, укрывшись рукавом сырого пиджака.

Он вошел, вежливо улыбнулся и посмотрел на вышедших к нему навстречу из кухни старушек вполне приветливо и добродушно.

– Недобра Москва к прохожим сегодня! – воскликнул негромко он, понимая, видимо, где находится. – Так недолго час и ринит заработать. Однако дела. Где прикажете вытереть ноги?

Антонина подметнула под ноги гостю чистую половую тряпку, и, когда незнакомец последовал дальше, от тuffель его, лакированных и остроносых, не оставалось и намека на грязь или влагу.

– Хорошо у вас, – признал гость. – Тепло, светло. А на улице, скажу я вам... – он покачал головой. – Это просто ужас, что там творится.

Старушки согласно перекрестились и по привычке принюхались. За отсутствием хорошего зрения и слуха угадывать статус гостя они научились обонянием. Пахнет дорогим одеколоном – не исключено, что поможет. Таким отказывать грех – крыша прохудилась донельзя, для ремонта нужны деньги, денег для ремонта нет. А такие изредка, но подкидывают. Пахнет портфелевой кожей – возможно, деловой. Эти приезжают, что-то пишут, говорят непонятным языком и уезжают. Смысла от таких гостей решительно никакого. От сегодняшнего приезжего не пахло ничем. Он внес в приют сырой запах насыщенного озоном воздуха и отсыревшего асфальта, каким человеку пахнуть не полагается. Так бывает всякий раз, когда в приют вваливается кто-то в непогоду. От самого же странного посетителя не исходило никаких ароматов. Выбрит он был между тем чисто, но не пах и бальзамом после бритья. Хотя старушки могли и ошибаться, поскольку в таком-то возрасте и на нюх полагаться тоже рискованно...

– А вы, позвольте, по какому вопросу? – понимая, что пора начинать разговор по существу, мягко спросила Ангелина, старшая из сиделок. Она всеми силами пыталась угадать, сколько лет гостю, и в конце концов решила, что ему не меньше пятидесяти и не больше пятидесяти пяти. – Из какого ведомства?

– Ни из какого я не из ведомства, – разочаровывая собеседниц, пожал плечами гость. – Что ж, если человек приходит в приют, так он обязательно должен быть из какого-нибудь ведомства? Смешно, право...

Он прошелся по холлу.

– Я пришел навестить одного из ваших постояльцев.

– Это какого же? – засуетилась Антонина, соображая, к кому из убогих и забытых мог явиться гость в дорожном костюме и стерильных лакированных туфлях. И, кстати, невероятно приличной, то есть обаятельной наружности.

Обаятельнейший незнакомец меж тем мило улыбнулся и честно доложил:

– Сергей Олегович Старостин у вас проживает.

– Сергей-мученик? – удивились хором старухи. – А кем вы ему приходитеесь?

Черный гость осуждающе покачал головой и пригрозил обеим сиделкам длинным пальцем:

– Не по-христиански толкуете, мамыши. Ежели я никем не прихожусь Сергею Олеговичу, так получается, я и не обязан навестить его в трудный час? – он наклонился и подтянул к себе предложенный Антониной табурет.

– Он ведь и вам никем не приходится, однако вы за него душою болеете, верно? Почему же такого права должен быть лишен я? Или не болеете? – иронично справился он, щуя глаз.

Дотошливый нынче гость пошел. Задаешь ему один вопрос, он тебе отвечает тремя. Смугнулись сиделки.

– Он плох, – устыдившись своих расспросов, сказала Ангелина. – Священник уже в пути.

– И тем важнее для меня повидать больного именно сейчас, – жестко произнес незнакомец, с некой затаенной опаской поглядывая на огромный блестящий самовар.

Старушки его взгляд расценили как возможность оттянуть время, чем незамедлительно воспользовалась одна из них, более смышленная Антонина.

– А не угодно ли будет выпить чайку? Ангелина Матвеевна заваривает чудный чай из мяты и смородины. А прибудет священник и...

– Вы, кажется, меня не понимаете, бабушки, – повторил незнакомец улыбку и хрустнул суставами в ладонях. – Я тысячу раз подряд согласился бы выпить с вами чаю, тем более что он наверняка хорош на вкус, но обстоятельства вынуждают меня отказаться и снова попросить, чтобы вы немедленно проводили меня наверх.

– Но священник уже скоро будет... – сделала неловкую попытку продолжить спор старшая из сиделок, но у нее ничего не вышло.

– Значит, у меня есть пара минут, – вывел из услышанного гость. – Проводите меня к мученику, я облегчу его боль, а там, кто знает, кто знает...

– Откуда же вы? – прошептала Антонина, бредя следом за мужчиной, который ориентировался в приюте, как у себя дома.

Незнакомцу, видимо, надоели расспросы, поскольку он остановился. Вперив в навязчивую старуху острый взгляд, он сообщил:

– Я из нотариальной конторы, если угодно. Сергей Олегович изъявил желание кое-что завещать мне, – он приложил палец к губам. – Только тсс!.. Дом на Москве-реке. Половину мне, половину приюту. Дядя он мой, дядя. Неровен час преставится, бумаги не подписав, вас за это по головке не погладят. И я не поглажу, что наиболее вероятно. А теперь, если позволите...

Объяснение решительно меняло дело. Старухи засуетились и, не дожидаясь прибытия священника, повели неожиданного гостя наверх.

– Он рядом... – поднимаясь по скрипучей лестнице и тяжело дыша, доложила Ангелина. – В комнате...

– Номер двенадцать, – закончил за нее неизвестный, чье одеяние из-за слабой освещенности коридора почти сливалось с полумраком, – я знаю. А теперь, когда мы дошли, я попрошу вас подождать снаружи. Дело в первую очередь касается меня все-таки... Опять же, священник придет, а встретить его некому. О вашей негостеприимности пойдет недобрая молва.

Оставшись в коридоре, сиделки подумали, пришли к выводу, что хуже Сергею незнакомец уже не сделает, лучше – хотелось бы, но... скорее всего, тоже, а потому спустились вниз к самовару.

Мучения его подходили к концу, и были они сильнее оттого...

...что в тот миг, когда придется расставаться с миром, когда душа выберется из проклятого, приевшегося ей за годы страданий тела, когда она поднимется вверх и будет еще некоторое время кружить, раздумывая, как поступить ей дальше и куда податься, рядом не окажется священника, способного указать ей верную дорогу.

Старушки клялись, что звонили в церковь и что батюшка уже в пути. Но хватит ли мужества у батюшки добраться до заброшенного приюта в такую непогоду? – вот вопрос, которым мучился в последние минуты своей жизни Сергей Старостин, более известный в миру как Сергей, Олегов сын, а еще более как Сергей-мученик.

Вспышки молний то и дело освещали убогое убранство его комнаты: стул с деревянным сиденьем, лоснящимся от многих лет службы, да потрескавшейся спинкой, крест над входом, почерневший от старости, ровесник, наверное, стула, да никелированная дужка кровати. Это все, что мог видеть лежащий мужчина средних лет, готовящийся предстать перед судом Божиим и рассчитывающий на райские кущи. Вот то, что останется в памяти Сергея Старостина, завершившего свой совершенно несправедливый путь на земле. Как истинный православный, он никогда не сетовал ни на нищету, ни на тяжесть жизни, ни на болезни. Все, что ниспослано тебе в жизни, ниспослано Богом. Каждого в этом мире Господь проверяет на крепость духа, но не каждый это понимает, а потому одни, понимающие, принимают муки смиренно, стоически, другие же клянут и судьбу, и семью, в которой суждено было родиться для такой судьбы, и самого Бога, который-де все слышит, все видит, но насылать проклятья продолжает. Он испытывает человека до последнего дня его жизни, и вся беда в том, что не каждый из людей, даже поняв эту истину, хочет ее принять.

– Господи, – шептали бескровные Сергеевы губы, – дай мне вполне предаться Твоей воле...

Как и всякий человек, умирать он не хотел, потому что сумел познать и оценить и любовь, и вкус хлеба, и приятную негу в постели. Но как человек православный, Сергей по фамилии Старостин смерти не боялся. Он страшился лишь того, что не будет рядом священника, который мог бы принять его.

Превозмогая боль, Сергей повернул голову к окну и посмотрел в него, черное, заливающееся слезами дождя.

Тихо и коротко завыв, скорее от боли, вызванной движением, нежели от тяжелого предчувствия, большой разжал кулак и посмотрел на ладонь. Последний час он так сжимал руку, что крест вдавился в кожу и сейчас лежал, словно в специально предназначенном для него футляре с углублением.

Звать старушек бессмысленно. Если бы священник пришел, он был бы уже здесь. Как заставить болезнь отступить хотя бы на десять минут? Хотя бы на пять?..

Да еще эта ночь... Как жутко, как не хочется умирать в такую ночь. Почему не тихое сентябрьское утро, когда свежий прохладный ветер, пахнущий мятой и желтой листвой, когда на подоконник садится воробей и, постукивая клювом по выщербленному подоконнику, сочувствует? Вечером умирать все-таки грустно. Завтра наступит новый день, ты его уже не увидишь, и оттого грусть. Утром все-таки спокойнее, потому что дата вчерашняя уже перевернута, листок Макашкой скурен, а до завтрашнего утра далековато. Вечер же – ни туда, ни сюда, не по-людски получается: и этот день не закончился, и новый еще не наступил...

За этими мыслями, переполняющими умирающего болью, страхом и тоской, и застал его скрип двери, возвещающий о том, что в комнату кто-то входит. Старостин приподнял голову и взгляделся в того, кто прервал, слава Богу, его такие страшные мысли.

– Пресвятая Богородица!.. – хрипло вскричал он, вкладывая последние силы в этот крик. – Старухи от страху из ума выжили!.. – опустив голову на подушку, он заплакал так горько, как может плакать умирающий. – Они привели к моей постели католического священника...

Но наплакаться навзрыд в свою последнюю минуту, а Старостин уже понимал, что дольше не проживет, ему было не суждено.

– Полноте вам, Сергей Олегович, – проговорил неведомый гость. – Неужели я так похож на ксендза или пастора?

Недоумевая, кто же это может быть тогда еще в таком одеянии, Старостин вновь приподнял голову и стер ладонью стусившиеся, слепящие слезы. И уже через мгновение разглядел и черный, искрящийся росой костюм незнакомца, и черную рубашку его, застегнутую до самого кадыка крепкой шеи, и длинные волосы, аккуратно собранные назад. Разглядел и туфли, признавшись самому себе, что никогда не видел обуви такой идеально чистой и ухоженной.

И когда уже собирался вернуться на затвердевшую от его долгого лежания подушку, Старостин вдруг почувствовал, что боль, еще мгновение назад разрывавшая его тело, притупилась и отступила. Решив не дразнить ее понапрасну, Сергей Олегович все-таки улегся и на всякий случай поморщился.

– Помирать, значит, собрались, – риторически заметил гость, подтягивая к кровати стул и усаживаясь на него верхом. – Сломались духом, разуверились, я слышал, в высшей силе. А это, простите, совершенно недопустимо.

«Значит, – подумал больной, – старухи вызвали еще и психолога». Нынче это модно. Все помешались на приватизационных чеках, психологах и прочем, без чего в прошлые годы без труда обходились. Он должен отвлечь умирающего от заглядывания в могилу до того момента, как приедет священник. Но психолог в такой ситуации вряд ли станет улыбаться, да еще саркастически. Несмотря на то что боль затаилась, как после укола, каковые, кстати, на больного действовать уже перестали, Старостин радости не чувствовал. Такое уже было – вот, кажется, пришло избавление... И сразу после этого, словно насмехаясь, тело снова начинает заходиться в судорогах.

– Кто вы? – прохрипел Старостин, дыша неприятным запахом давно не чищенных зубов. Постель его, пропитанная потом, давно не менявшееся белье, немытое тело – букет этих категорически невыносимых для носа обывателя запахов гостя, как видно, не отпугивал. Напротив, он подтянул стул еще ближе к больному и теперь находился от него на расстоянии не более метра.

– Дайте мне вашу руку, – не церемонясь, гость вынул из кармана несессер, и, когда запахнул его, Старостин увидел в нем аккуратно прижатые резинкой несколько заполненных шприцев.

Даже не чувствуя, как игла входит ему под кожу, больному заплакал от бессилия. Сколько и чего ему уже только не кололи...

– Чувствуете, как замерла ваша боль? – спросил черный и чуть дернул веком. – А сейчас она угаснет совсем. Быть может, не навсегда, но на время нашего разговора точно. Терпеть не могу, когда в мои доверительные беседы вмешивается кто-то третий.

И Старостин, еще мгновение назад плачущий оттого, что умирает, а священника все нет, расправил на лице морщины и прислушался. Боль действительно ушла. Она покинула тело больного, прихватив и тревогу, и слабость.

Проведя рукою, чего не мог делать уже около двух недель, по собственному телу, Старостин поднес руку к лицу и несколько раз сжал ладонь в кулак. Боль, как бывало ранее, не захлестнула. Напротив, внутри умирающего словно кто-то отвернул завинченный до этого момента краник, и внутрь его истощенного болезнью организма полилась живительная влага. Старостин явственно ощущал, как она торопится по сосудам, как проникает, приятно холодя, в

каждую клетку тела, как насыщает силами легкие, уже почти погибшую печень, как заставляет работать почки. Старостину вдруг захотелось в туалет, что было тоже удивительно. Последний месяц он мочился в стоящее рядом ведро, а после, когда уже стал не в силах поворачиваться на бок, а старушки забывали подниматься наверх, ходил прямо под себя. Сейчас же случилось чудо. Старостин почувствовал срочную необходимость подняться и направиться в туалет, расположенный на втором этаже.

– Эка вас понесло! В туалет... – заметил гость, из чего Старостин заключил, что мыслит в присутствии постороннего вслух. – В углу комнаты стоит ведро, Сергей Олегович. Меня не затруднит отвернуться.

Когда больной снова оказался на кровати, лицо его уже было налито свежестью и покрыто румянцем, который половина докторов назвала бы больным, а вторая половина нездоровым.

Беседы при полной луне...

...никогда не были для Старостина важны. В детстве он растратил слишком много времени на то, чтобы читать по ночам при свете фонарика, укрывшись с головой одеялом, на котором стоял штамп детского дома. Уже потом, став зрелым человеком и уже порядком подпортив себе зрение, он стал склоняться к тому, что по ночам нормальный, почитающий Бога человек должен спать, а не заниматься делами, не соответствующими тьме. Но сегодня, когда случилось самое настоящее чудо, а это было именно чудо, он вдруг почувствовал невероятное желание выговориться и открыть перед ночным посетителем душу.

– Вы – бог, доктор! – заявил он, не зная, чем еще выразить свою признательность. В спасение верилось пока слабо, чего там – вообще не верилось, но возможность пожить прежней жизнью еще пару дней давала надежду, что еще не все кончено.

– Помилуйте, – поморщился обаятельный гость, – я всего лишь облегчил вам самочувствие, так неужели я после этого непременно тот, кем вы меня нарекли?

Старостин смутился, потупил взгляд и забормотал что-то про ЮНЕСКО, какое-то золото, и вообще речь его была настолько сумбурна, что избавитель улыбнулся.

– Вы поименовали меня богом, а между тем, насколько мне известно, почитаете Иисуса Христа. В этой связи позвольте полюбопытствовать: как вы собираетесь служить двум богам, когда известно, что делать это не столько невозможно, сколько безнравственно?

Старостин смутился еще сильнее. Философия врача была ему по душе, но она ставила больного в такой тупик, что сопротивляться ей и оппонировать было никак невозможно.

– Я всего лишь применил метафору, – признался больной, – не более того. Любому человеку известно, что рак неизлечим, и в тот момент, когда я уже готов был умереть, так и не дождавшись священника, являетесь вы. Двум богам служить, конечно, не с руки, но почитать человека, тебя излечившего... Вы должны понять больного.

– Мне не нужна золотая статуя, – пробормотал вдруг гость, разглядывая носки своих безупречных туфель.

– Скажите, доктор, у меня есть надежда? – прохрипел, проверяя заодно и реакцию боли на это, Старостин. – Скажите, из какого вы центра?

– Опять за рыбу деньги, – огорчился целитель и даже обмяк. – Внизу говорил, и вам говорю: ни из какого я не из центра! Если я пришел к вам и помог, так я обязательно должен быть либо богом, либо из ведомства?

– Какое странное выражение, – пробормотал больной, устав извиняться и петь дифирамбы.

– Вы о чем? – любопытствовал, подсаживаясь еще ближе, гость.

– О рыбе...

– А-а. Это давнее выражение, просто его никто не употребляет, кроме меня, потому что никто, кроме меня, не знает его предысторию. Помните, от Луки... *Их было около пяти тысяч человек. Но Он сказал ученикам Своим: рассадите их рядами по пятидесяти. Он же, взяв пять хлебов и две рыбы и воззрев на небо, благословил их, преломил и дал ученикам, чтобы раздать народу. И ели и насытились все.* – Сказавши это, целитель улыбнулся, словно вспомнив что-то для себя приятное, и откинулся на спинку стула.

– Вы знаете Библию, – промолвил Старостин, отмечая это для себя не без удовольствия. – Но при чем здесь все-таки деньги, которые... как вы выразились, за рыбу?

– А при том, что, после того как все насытились и стали Его хвалить, кое-кто прошелся по рядам, тем, что в каждом по пятидесяти, и собрал деньги, – и гость, откинувшись в сторону, скрыл лицо.

– Как... – опешил больной, – деньги... Это же не по Писанию... И как это – собрал?

– По Писанию, не по Писанию, – с какой-то ненавистью в голосе забормотал речитативом целитель. – Я вам правду говорю, какая она есть, а не такую, какой вы ее себе представляете благодаря подсказкам, захватившим ваш разум.

Посетитель снова появился в зоне света и аккуратно пригладил и без того идеально зачесанные волосы.

– Так и собрал. В шляпу. А вы знаете, Сергей Олегович, оказывается, по грошу с пяти тысяч нищих получается довольно внушительная сумма.

Поднявшись со стула, он прошелся по тесной комнатке, скрестив руки на груди.

– Если есть деньги, которые кто-то готов отдать, значит, эти деньги обязательно должны оказаться у вас, – и он кивнул на тумбочку, где весь утыканный закладками лежал потрепанный и лоснящийся от времени Новый Завет больного. – Без врак четверых евангелистов, возмнивших себя летописцами... – он помолчал и закончил весьма странно: – Его, который Он.

– Очень странные ваши слова, – растерянно пробормотал Сергей Старостин. – Мне чрезвычайно неприятен наш разговор. Я хотел бы дождаться батюшку из церкви Успения... Быть может, он прояснил бы ситуацию с этими рыбами... – больной суетился, потому что возражал человеку, облегчившему его страдания, однако не возражать не мог. – Моей благодарности за то, что вы сделали, нет конца, однако я настоял бы на том, чтобы до его приезда...

– Вы? – перебил гость. – Вы бы настояли? – и он, внимательно посмотрев на Старостина, подошел к нему, заглянул в глаза и склонил свою голову набок, словно из любопытства.

А потом неожиданно убрал из-за спины руки, и в одной из них Старостин успел заметить сверкнувший во время очередного приступа молнии шприц.

И страшная по силе боль пронзила все тело больного. Игла, впустившая в шею какое-то снадобье, вышла из тела.

Зайдясь в глухом протяжном крике, Старостин изогнулся коромыслом, пал на кровать и вцепился в каменный матрас скрюченными пальцами.

– Разве вы можете на чем-то настаивать? – равнодушно продолжал между тем гость, склонившись над заходящимся в сиплом реве больным. – Я прихожу к раковому больному, уже наполовину свалившемуся в могилу, пытаюсь заключить небольшую, но важную сделку, возможно, предложить кое-какие условия, а он заявляет мне, что речь моя ему неприятна. – Когда он увидел, что боль снова стала покидать тело умирающего, он полюбопытствовал: – Кто вам сейчас нужен больше, Старостин? Спаситель или беспомощный священник, свидетель вашей смерти?

Перевалившись на бок, Сергей Олегович едва не упал с кровати. Однако в последний момент он успел удержаться за дужку, и хотя рука его, покрытая склизким потом, все-таки соскользнула, он остался на матрасе и посмотрел на гостя исподлобья.

– Кто вы? – и праздным сейчас этот вопрос не звучал.

Одетый в темное гость встал и подошел к окну.

– Вы почитаете Иисуса Христа Назаретянина, – молвил он, взглядываясь в окно, за которым бушевала сумасшедшая непогода. – Вы вычитали о его славных подвигах, и теперь хвалитесь друг другу его беспримерными возможностями на церковных службах. Целуетесь друг с другом, заверяя, что он воскрес, искренне дивитесь его бескорытием и способностью заниматься целительством. Вы знаете каждое слово из учебника, лежащего на вашей тумбочке. – Покрутив головой, что-то припоминая, он изрек: *–И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его разбудили Его и сказали: Спаси нас: погибаем* («погибаем» целитель произнес в свойственной ему ироничной манере). *– И Он встав запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же удивляясь говорили: кто Этот, что и ветры и море повинуются Ему?..* Ах, какая прелестнейшая ложь во славу подложного фигуранта! – сверкнув глазами, заявил незнакомец и вдруг посмотрел на

больного строго и беспощадно. – Тогда скажите мне, умирающий в страшных муках, но хранящий при этом на устах имя Христово, как назвать это?

Отступив от кровати, гость выхватил из несессера третий шприц и со страшным выражением в глазах вернулся к больному.

– Что же это, Старостин?

И Сергей, Олегов сын, с ужасом уставившись на руку, замер на постели. Он не знал, что это, и теперь ждал ответа. И снова пришла боль. Сначала она тоненьким ручейком пробежала вдоль позвоночника, потом разлилась в груди и вскоре болевые судороги охватили Старостина с такой силой, что он, заскрежетав зубами, опять завалился на скрипучую кровать.

– Я вам отвечу, что это, – свистящим шепотом произнес незнакомец, едва свет, пролившийся из окна, достиг ножки его стула. – Это – жизнь!

И Старостину показалось, что комната снова заполнилась мраком.

Шум за наружной стеной приюта возобновился с новой силой, а гость вдруг посмотрел в угол мрачной комнаты, словно прислушивался или присматривался, хлопнул себя рукою по ляжке и расхохотался. Зло расхохотался, с досадой.

– Скорее всего, священник уже в пути! Нет, ну до чего же упрямы эти ваши священники! Вот скажите мне, Старостин, откуда в священнослужителе может быть столько ослиного упрямства? – Он криво улыбнулся и, придумав что-то, качнул головой. – И они еще возмущались, когда их изображали в виде людей с ослиными головами! Ладно, пока боль достигнет своего апогея и тем облегчит мое общение с вами, хотите, расскажу историю об Иуде, Сергей Олегович? Не хотите? Но я все равно потом расскажу.

Старостин корчился в агонии и не сводил с посетителя невыносимо тяжелого взгляда. Однако тому до этого, казалось, решительно не было никакого дела.

– В этой главе, почитаемой вами и вам подобными, – не поднимая глаз, металлическим голосом проскрежетал незнакомец, снова посматривая на священную книгу, – верно только одно утверждение – «Он спал».

– Кто вы?.. – в который раз прошептал больной, только теперь его голос не казался радостным или настойчивым. Этот лепет нельзя было услышать, его можно было понять, лишь проследив шевеление бескровных губ Старостина.

За окном, как и прежде, бушевала скверная погода. И ей, казалось, не будет конца. Как не будет конца разговору, в котором больной участвовал, как ему теперь казалось, всю жизнь.

– Кто я?..

И этого тихого шепота хватило, чтобы глаза совсем недавно приготовившегося завершать свой жизненный цикл человека озарились огнем понимания, а лицо натянулось, являя собой маску ожидания чудесного явления.

– Так это Ты?! – не в силах сдерживать более рвущийся из него огонь, заговорил Старостин. Кажется, боль довершила начатое – в глазах ракового больного засветилось безумие. – Ты излечил меня одним лишь присутствием своим. Тебе покорны ветра и волны... – Лицо его дрогнуло, и по щекам градом покатались слезы. – Ты услышал меня в трудный час, Ты услышал. Моя вера спасла меня! Ты явился, чтобы воздать мне по вере моей... Будь же славен, Господи, во имя отца и сына...

– Довольно, – несколько официально остановил его гость, которому, кажется, понравилось обращение собеседника. – Вы перебираете лишку, Сергей Олегович. Пусть так, пусть все так... – согласился он, убедившись, что главное уже состоялось. – Но вы, наверное, знаете, что ничего ни в этом мире, ни в том не дается бескорыстно. Тот, кого вы зовете Господом, приобрел славу и вечность, заплатив за это земной жизнью. Иуда за тридцать сребреников почил на дереве, хотя некоторые уверяют, что его прирезали. – Насмешливо посмотрев на возвращающегося к жизни собеседника, незнакомец смилостивился и опустил до откровений: – Впрочем, я могу открыть вам небольшую тайну. Иуда закончил свою жизнь не на осине, не

под ножом. Он прожил долгую жизнь, народил четверых сыновей и умер в возрасте девяносто восьми лет. И что вы думаете? Он все равно распрощался с жизнью не в своей постели!

Больной слушал, внимая каждому слову говорящего с ним Бога. Ни Бог, ни сам Сергей-мученик уже не замечали, что последний стоит на коленях и держит руки со скрещенными пальцами перед собой.

– В 70-м году он, решив умереть в стране, где его никто не знает, перебрался в Палестину. Но как часто бывает с людьми... чего уж, будем говорить прямо, не на пленуме партии, как-никак, – подлыми, он перебрался не туда и не в то время. Именно в этом году в Палестине вспыхнуло восстание против римского владычества, Иерусалим на время превратился в геенну огненную, и наш герой попал в замес, из которого насилу выбрался. Сообразив, что лучше там, где его нет, он оказался в Риме. И что вы снова думаете? Он, как говорил в Палестине их бог Яхве, опять-таки не угадал. К власти в Риме пришел император Траян, который приказал схватить известных всему Риму доносчиков, посадить их на грубо сколоченные корабли, корабли вывести в открытое море, да там и оставить, без весел и ветрил. Как вы думаете, Старостин, кто оказался первым на первом из построенных кораблей? – Помолчав, он добавил, потому что не добавит этого счел невозможным: – Признаться, я был очень огорчен этим. С Траяном пришлось разобраться, но возможность для этого представилась лишь спустя девятнадцать лет. Как видите, и он тоже сполна заплатил за свой благородный поступок.

– Не может быть... – только и молвил Сергей-мученик, пользуясь любой паузой, предоставленной ему рассказчиком. – Не может быть, я не верю...

– За все в этой жизни приходится платить, и каждая такая плата связана с расставанием. С близкими, с деньгами, с верой... Денег у вас нет, близких, как мне кажется, вообще никогда не бывало. Осталась вера, и теперь я желаю знать, способны ли вы расстаться с нею, получив взамен куда большее.

Больному, неожиданно обретшему здоровье, казалось, что он уже вошел в кущи, теперь вкушал истину и просто не заметил этого перехода. Он готов был молиться сошедшему к нему Богу, мазать миром его ноги и стать, если тот позволит, его учеником. Едва он осмелился возразить гостю, как тот снова вернул ему боль, и она была куда большей силы, чем прежняя. Старостин уже довольно плохо понимал, где он, кто он, кто рядом с ним и что, собственно, вообще происходит.

– Так что, господин Старостин, я все-таки прав. Иуда расплатился за свою тридцатку серебряных. Не сразу, так потом. Рано или поздно приходит час, когда человеку приходится выбирать.

Покусав губу, незнакомец в черном вздохнул и положил руку на покрытое замаслившимися, свалывшимися волосами темя больного...

– Так вот, вернувшийся из мира теней богомолец... – молвил он, поглаживая голову нового ученика. – Я вынужден взять на себя труд сообщить, что готов поставить тебя на ноги.

Старостин изогнулся на постели и на уголках его губ появилась пена.

– Кто же ты? – просвистел одними легкими он.

Вместо ответа гость прошелся по комнате, с опаской бросая косые взгляды на стенную перегородку, и заговорил, решив, видимо, поставить в этом разговоре точку.

– Я возвращаю тебе жизнь, богомолец. Я даю тебе здоровье. Но взамен ты должен отплатить мне столь же крупной монетой, каковую только что получил.

Сергей-мученик в отчаянии забегал глазами по комнате. Происходило странное. Гость вернулся к своему несессеру и снова вынул из него шприц. Вонзив иглу во вздувшуюся вену на шее Старостина, он медленно впустил в него бурого цвета жидкость, убрал шприц, не вынимая иглы, и взял из несессера очередной шприц. Вставив его в канюлю иглы, он впустил новую порцию. И так происходило еще трижды. И с каждой новой волной бурого цвета Старостин чувствовал, как уходит боль, как кровь приливает к лицу, как оживают пальцы и хочется в

ванную. Его уже не удивляло возвращение к жизни, но вот этот факт радовал его до слез – в ванную ему не хотелось уже два месяца.

– Нам придется расплатиться, Сергей Олегович, – наблюдая за истомой пациента и укладывая шприцы в несессер, пробормотал гость.

– Да чем же я смогу отплатить тебе? Всего-то, что у меня есть, эта вот книга! Возьми! Кроме жизни и ее, у меня более ничего нет! Жизнь ты подарил мне, я же отдаю тебе то, что у меня осталось!

Убрав руки за спину столь быстро, что это обязательно не укрылось бы от внимания больного, не опустил он голову в смиренном поклоне, гость потемнел лицом и отошел в самый темный угол комнаты – вдале от окна. И отныне говорил только оттуда.

– Убери это. Эта книга тебе пригодится, поскольку, думается мне, отныне она будет привлекать тебя еще сильнее. Я ценю твою способность поделиться с ближним последним, однако в ответ на щедрость говорю нет и объясняю почему. Взамен того, что я даровал тебе здоровье и долгие лета, а они покажутся тебе, поверь, бесконечно длинными, ты обещаешь выполнить два моих условия.

– Я согласен! – горячо вскричал нищий, еще не подозревающий, что называть себя так отныне он не имеет права.

– Значит, мы договоримся. В обмен на мою услугу, только что тебе оказанную, ты согласишься принять от меня самое большое состояние, которое только может быть у человека в этой стране. И ты будешь пользоваться этим состоянием и усердно приумножать его. Не будет проходить и дня, чтобы тебя не заботила идея увеличения твоих богатств. Это мое первое условие.

– А какое же второе? – едва не задохнулся от услышанного давно не мытый, жалкий на вид, одетый в рубище Старостин.

– В ту книгу, которую ты хотел вручить мне из самых лучших своих побуждений, ты будешь заглядывать каждый день по многу раз.

– Обещаю! – вскричал восхищенный странник.

– И всякий раз, когда ты будешь мучиться над проблемой принятия любого из решений, встающих перед тобою в жизни, ты будешь искать совета у этой книги и поступать решительно противоположно тому, что она будет тебе советовать. Это и есть мое второе условие и, если ты тоже готов сказать мне нет, то я тотчас верну тебе кровать, пропитанный мочой матрас и оставлю дожидаться... – гость посмотрел на перегородку, явно сожалея, что она существует, – священника.

Сергей Олегович Старостин, человек без паспорта и определенных занятий, человек, посвятивший всю свою жизнь служению Господу, опустил на топчан. Истрепанный Завет, выскользнув из его рук, скатился по вытянутым ногам и без звука упал на пол.

– Я дал тебе лекарство, которого еще не знает свет. Но мне не нужна статуя из золота... – закашлявшись, незнакомец приложил ко рту белоснежный платок и потом долго его разглядывал. – Вместе со своим богатством ты приумножишь и это лекарство, и ты продашь его людям... Что же ты выбираешь, человек, стоящий на лезвии бритвы? – вопрошал гость из совершенно темного угла. – Бесчисленное богатство, долгую жизнь и насмешку над каждой из строк этой книги, или мучительную смерть ракового больного в деревянном бараке? Твоя могила будет находиться у самой кладбищенской ограды, но это будет не важно, поскольку уже через неделю она провалится, крест с жалкой надписью вынесут и сожгут за оградой, и более уже никто и никогда не вспомнит фамилию и имя, которые ты носишь сейчас. Так что выбираешь ты, больной человек, беззаветно верный учению своего Иисуса из Назарета?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.